

Русская мысль и политика

От редакции

20–21 января 2023 г. в Южном федеральном университете состоялось 55-е заседание всероссийского онлайн-семинара «Русская мысль и политика». Оно было посвящено теме «Феномен шестидесятничества в советской философии: интеллектуально-политический потенциал поколения». Помещаем статьи и рефераты докладов и сообщений на семинаре.

В.П. Макаренко

О ФИЛОСОФСКИХ «ШЕСТИДЕСЯТНИКАХ»

В.А. Лекторский
Институт философии РАН

Аннотация: В статье речь идёт не о возрасте тех, кто делает философию, а о появлении новой философской проблематики и нового отношения к самой философии, понимании её культурной роли, того, что называется «философским образом жизни». Исследуется драматическая история жизни и деятельности поколения людей, которые стали определять философскую жизнь страны начиная с конца 1950-х гг. Автор анализирует результаты деятельности этого поколения и обосновывает тезис о том, что под знаком этого поколения отечественная философия развивалась всю вторую половину XX в. и что представители этого поколения существенно повлияли на философскую жизнь нашей страны уже в течение прошедших двух десятилетий XX века. Показано современное значение идей, выдвинутых представителями этого поколения.

Ключевые слова: философия поколения, теория познания, философская антропология науки о человеке, Институт философии РАН, «Вопросы философии».

«Шестидесятниками» иногда называют то философское поколение, которое появилось в нашей стране в конце 50-х гг. прошлого века, активно работало в 60-е гг., продолжило свою деятельность в 70-е и 80-е. С ним связан особый этап в развитии отечественной философии. Я сам принадлежу к этому поколению, поэтому мне нелегко писать о нём: взгляды «от первого лица» и от «третьего лица», как известно, нелегко совместить. Тем не менее постоянно приходится это делать – и в отношении каждого «Я», и в отношении «Мы».

Так получилось, что мне пришлось в некотором смысле стать биографом и исследователем этого поколения, которое с моей точки зрения определяло нашу философскую жизнь

на протяжении нескольких десятилетий. Я писал о поколении «шестидесятников» в ряде собственных публикаций, именно о нём идёт речь в 22 томах серии «Философия России второй половины XX века», вышедшей под моей редакцией (последний, итоговый том был недавно издан в США в переводе на английский язык и был хорошо встречен специалистами).

Главный пафос деятельности философских «шестидесятников» – это стремление возродить настоящую философию после десятилетий её догматического удушья. И им это удалось.

У истоков философской революции в нашей стране стояли два молодых человека, только что закончивших аспирантуру философского факультета Московского университета: Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. К ним стали примыкать ещё более молодые люди, в том числе я, завершавший в то время учёбу на философском факультете университета, а также другие выпускники факультета: И.Т. Фролов, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошилова, Г.С. Батищев, В.М. Межуев, Л.К. Науменко, В.С. Швырёв, В.Н. Садовский и многие другие.

Мы верили в важность и нужность настоящей философии, в необходимость честной работы, не подверженной политической конъюнктуре, в отмежевание философии от идеологии – само слово «идеолог» было для нас бранным (у нас в ходу была кличка «прохиндей» для обозначения жуликоватых защитников официальных догм. Для нас главным в жизни было занятие философией как самым важным и серьёзным делом – мы это не обсуждали, это подразумевалось. Не нужно делать административную карьеру, так как пребывание в любой начальственной должности мешает свободной творческой деятельности. Не было и стремления заработать побольше денег. Да это было и невозможно.

Все мы считали, что нужно ориентироваться на науку и теоретическое мышление. Э.В. Ильенков в знаменитых «Тезисах» о предмете философии, написанных вместе с другим молодым преподавателем философского факультета университета, В.И. Коровиковым, защищал идею о том, что именно теоретическое мышление и есть предмет философии и что поэтому философия является теорией познания. Даже те, кто не разделял полностью идеи «Тезисов» (считал, например, что наряду с теорией познания в философию входит онтология и этика), увлеклись исследованием проблематики познания, мышления, науки, так как именно в этой области можно было наиболее интересно работать. Если угодно, это было своеобразным философским сциентизмом.

Впоследствии высказывалось мнение о том, что наше поколение сознательно ушло в изучение мышления (теория познания, логика, философия и методология науки), чтобы лучше укрыться от идеологического давления, которое, конечно, было несравненно большим в том случае, если исследовались проблемы социальной философии. В этом мнении есть доля истины: действительно, при анализе познавательной проблематики можно было выдвигать оригинальные идеи (и немало таких идей было предложено, о чем я позже скажу), а это практически было невозможно в таких дисциплинах, как исторический материализм и научный коммунизм. Но это лишь доля истины.

Дело в том, что понимание философии как теории познания совершенно не было способом «укрытия» от анализа жизненных проблем. Наше поколение остро-критически относилось к социальной действительности нашей страны. Доклад Н.С. Хрущева с разоблачением Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. был таким потрясением, которое перевернуло нашу жизнь. Мы остро переживали то обстоятельство, что после этого доклада не произошли те коренные перемены, которых мы ожидали. Идеалом поколения был «социализм с человеческим лицом». Лозунг в такой формулировке был предложен чехословацкими реформаторами в 1968 г., но в нем выражено именно то устремление, с которым мы входили в философию уже в конце 50-х гг. – недаром мы сочувствовали «пражской весне» и остро переживали её

поражение. Марксизм мы понимали как науку, воплощённую в «Капитале», и как гуманистический проект, выраженный в «Философско-экономических рукописях» Маркса, а не как ходячий официальный марксизм – ленинизм. Серьёзным способом социальных изменений, считали мы, является наука, а философия – это критическая рефлексия над ней. Как раз культивирование творческого мышления, как мы считали, и является ключом к социальным реформам. Важно и то обстоятельство, что начиная со второй половины 50-х гг. власть в нашей стране стала придавать науке всё большее значение, а затем провозгласила необходимость соединения социализма с научно-технической революцией. Наука оказалась той социальной силой, с которой вынуждены были считаться даже идеологические манипуляторы.

Я хочу обратить внимание на то, что новое философское движение, связанное с жизнью и деятельностью нашего поколения, не было чем-то замкнутым на исследование проблематики, представляющей узкий академический интерес. Этот «когнитивный поворот» в философии, связанный с деятельностью нашего поколения, совпал с интенсивным развёртыванием исследования познавательных процессов в психологии, математическим моделированием мыслительных процессов, когнитивной лингвистикой, семиотикой, исследованиями в области кибернетики, историей естествознания. Эти исследования осуществлялись на мировом уровне и получали международное признание. Ряд теоретиков в области математики и естественных наук начинают проявлять интерес к философии и включаться в обсуждение философской тематики, связанной с их научными исследованиями. Началось интенсивное взаимодействие философов, естествоиспытателей и ряда представителей наук о человеке. Регулярно стали проводиться всесоюзные конференции по философии, логике и методологии науки.

Тем не менее на философию, даже такую, которая опирается на науку, пытались оказывать идеологическое давление. Изучение познания, мышления, науки вовсе не избавляло от преследований со стороны властных структур. Как раз нас официальные идеологи считали нас особо опасными ревизионистами. Мы жили в обстановке непрекращающейся идеологической травли. Травили Э.В. Ильенкова – это повлияло на его раннюю смерть. А.А. Зиновьев был исключён из партии и изгнан из страны. Исключили из партии Э.Г. Юдина, М.К. Петрова, Г.П. Щедровицкого. Травили И.Т. Фролова, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева, В.С. Библера. Мы испытывали трудности с печатанием текстов. У многих осталось большое рукописное наследие, которое стало источником публикаций после смерти и, как правило, уже в другое время. Что-то из неопубликованного читалось близкими друзьями, учениками, обсуждалось на семинарах, передавалось из рук в руки. Что-то существовало в виде магнитофонных записей докладов, выступлений.

В этой связи я хочу подчеркнуть вот какое важное обстоятельство. В этой тяжелейшей идеологической обстановке настоящая (а не официальная) философская жизнь была весьма интенсивной. Я вспоминаю эти годы как время появления множества новых идей, дискуссий, как время заинтересованного и критического чтения работ друг друга, участия в совместных семинарах и конференциях, как время интенсивных контактов с учёными, деятелями культуры. В это непростое время мы верили в будущее страны и философии, в «социализм с человеческим лицом».

В 1968 г. наступило иное время. Наши танки вошли в Чехословакию. Произошёл драматический раскол в нашем поколении, отход от некоторых старых представлений, ранее объединявших всех его представителей, а в иных случаях и разрыв личных взаимоотношений. Был положен конец не только «пражской весне», но и надеждам на обновление социализма в России. Многие представители нашего поколения разочаровались в наивном сциентизме, который воодушевлял нас в конце 50-х и в 60-е гг., и постепенно стали выдвигать на первое место антропологическую проблематику в качестве самостоятельной, а не производной от эпистемологических и методологических исследований. Ряд философов антропологиче-

ческой ориентации отходят от марксизма, усваивают феноменологические и экзистенциальные идеи западной и русской философии, а в некоторых случаях дают экзистенциально-антропологическую трактовку идей Маркса. Усиливается идеологический натиск на «шестидесятников». В результате травли умирает директор Института философии АН СССР П.В. Копнин, уходит с этого же поста через несколько лет Б.М. Кедров, перестаёт быть главным редактором «Вопросов философии» И.Т. Фролов, умирает затравленный Э.В. Ильенков, высылается из страны А.А. Зиновьев, уезжает в Грузию М.К. Мамардашвили, работам Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева и другим отказывают в публикации.

Что же удалось сделать этому поколению?

Интенсивно анализировалась проблематика философии и методологии науки. Особенность методологических исследований научного знания, осуществлённых в это время в отечественной философии, состоит в акценте на изучение генезиса научной теории и логики её исторического развёртывания. В этой связи было разработано понимание научной теории как многоуровневой открытой системы, включающей в себя ряд относительно самостоятельных подсистем. Такое понимание резко контрастировало с господствовавшей в это время в западной философии науки стандартной гипотетико-дедуктивной моделью научной теории и опередило западные исследования в этой области.

Возникает разветвлённое исследование проблематики философии естествознания: проблема причинности в современной науке, принцип соответствия, принцип дополнительности, принцип наблюдаемости, принцип редукции, проблема глобального эволюционизма и др.

Новый характер получило исследование диалектики. Она была понята не просто как онтологическая схема, а как логика развития теоретической мысли, как способ анализа и разрешения противоречий мышления в традициях Гегеля и Маркса.

Большой размах получили исследования в области философской логики, в области символической логики, где нашими специалистами был предложен ряд оригинальных подходов при этом возникло плодотворное взаимодействие философов, логиков и математиков.

Популярными стали методологические разработки системно-структурных исследований, в которых наряду с философами участвовали биологи, лингвисты, экономисты, социологи.

Э.В. Ильенков сформулировал оригинальное понимание идеального как существующего в формах человеческой деятельности, исходно в формах коллективной деятельности, т. е. тем самым как своеобразной объективной реальности по отношению к индивидуальной психике. Такое понимание выглядело еретическим не только по отношению к нашей официальной философии, но и было совершенно необычным для западной философии того времени (позже похожую идею, хотя и не тождественную ильенковской, сформулировал К. Поппер в своей концепции «третьего мира»). Не приняли этот подход и некоторые люди, включённые в общее движение философского обновления. Зато этот подход был подхвачен отечественными психологами, развивавшими идеи культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Между тем эта проблематика стала одной из центральных в современной когнитивной науке.

Интенсивно разрабатывался деятельностный подход в двух планах: во-первых, как способ понимания человека, его творческой природы и выхода за пределы любой наличной ситуации, во-вторых, как важный методологический принцип в науках о человеке, позволяющий разрушить непроходимую стену между внешним и «внутренним», субъективным миром

Как я писал, начиная с 70-х гг. в центре внимания многих философов нашего поколения оказались вопросы философской антропологии.

И.Т. Фролов анализировал проблему смысла жизни и смысла смерти в контексте взаимоотношения философии и естествознания.

М.К. Мамардашвили разработал антропологическую концепцию, в центре которой феномен индивидуального сознания.

Ряд философов стали усматривать специфику человеческого бытия в общении, подчёркивая его несводимость к деятельности (Г.С. Батищев).

Интерес привлекают такие экзистенциальные состояния, как вера, надежда, любовь (В.И. Шинкарук).

Н.Н. Трубников написал интереснейшую работу о времени человеческого бытия.

В.С. Библер связал исследование проблем методологии науки с анализом культуры и разработал оригинальную концепцию «диалога логик» и «диалога культур» («диалогики»).

В контексте интереса к проблеме человека стали серьёзно разрабатываться проблемы этики.

Высланный из страны А.А. Зиновьев в форме так называемой логической социологии создал философско-научную систему, в рамках которой анализировались основные социально-культурные и антропологические проблемы, исследовались системы «коммунизма» и «западнизма».

Хотя в области исторического материализма творчески работать было особенно трудно, тем не менее в начале 70-х гг. появились книги, в которых было дано новое понимание социальной философии Маркса и разработана неортодоксальная концепция общественно-экономической формации. Появились новые подходы в изучении истории философии. Стали серьёзно изучаться различные направления современной западной философии – феноменология, экзистенциализм, неотомизм, философская антропология, критический рационализм, прагматизм, неопозитивизм, герменевтика, структурализм и др.

Середина 80-х гг. Начало перестройки. Ситуация снова принципиально меняется. Идея «социализма с человеческим лицом», с которой начинало свою деятельность наше поколение, из ревизионистской становится целью, официально провозглашаемой лидерами отечественной перестройки. Кажется, что политическая и идеологическая власть на нашей стороне. И.Т. Фролов занимает высокие политические посты: главный редактор журнала «Коммунист», главный редактор «Правды», член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС по идеологии. В.С. Стёпин становится сначала директором Института истории естествознания и техники, а затем директором Института философии (занимал эту должность в течение 18 лет). Я по предложению И.Т. Фролова с декабря 1987 г. начинаю работать в качестве главного редактора журнала «Вопросы философии» (пребывал в этой должности 22 года). Важно, что новая ситуация была нами максимально использована на благо философии.

И.Т. Фролов организует написание и издание нового учебника «Введение в философию», порывающего со сложившимися в советские годы догматическими традициями создания такого рода книг. Он организует регулярные телевизионные «Философские беседы», которые пользуются большой популярностью и в которых выступают философы, а также интересующиеся философией социологи, психологи, естествоиспытатели, деятели культуры. Он создал в составе Академии наук СССР новое и необычное научное учреждение «Институт человека», который возглавил сам – задачей института была организация междисциплинарных исследований проблем человека при главенствующей роли философии, а, как это стало особенно ясно сегодня, эта проблематика начинает доминировать в развитии науки в целом.

Сильно изменился Институт философии. Искусственные, навязанные старой идеологией проблемы (вроде теории научного коммунизма) оставлены в прошлом. Зато стали исследоваться такие вопросы, которые раньше нельзя было серьёзно изучать: социальная философия

фия, политическая философия, философия религии, история русской религиозной философии. Возникли новые подходы в изучении проблем теории познания, философии науки, философской антропологии.

«Вопросы философии» играли в это время особую роль. В рамках круглых столов обсуждались с философской точки зрения злободневные проблемы общественной жизни и науки (демократия, судьбы социализма, роль религии в культуре, методология наук о человеке и др.). На страницах журнала стали публиковаться статьи по истории русской религиозной философии (которая до этого серьёзно не могла исследоваться), по замалчивавшимся фигурам советской философии. Начиная с 1989 г. журнал стал в качестве приложения издавать серию «Из истории отечественной философской мысли», в которую вошли переиздания, а иногда первые публикации произведений дореволюционных классиков нашей философии. Работа над этим изданием дала толчок настоящему исследованию истории русской философии в стране. В эти годы «Вопросы философии» стали не только одним из центров развития нашей философии, но и местом притяжения всей мыслящей интеллигенции. Тираж журнала невиданно взлетел: 90 000 экземпляров в месяц.

Конец 1991 г. Исчезает Советский Союз. Марксизм из официальной идеологии превращается в предмет поношений. Под подозрением оказываются не только приверженцы старых догматических представлений, но и сторонники идеи «социализма с человеческим лицом». В печати появляются статьи, авторы которых призывают не просто отказаться от преподавания в вузах марксистско-ленинской философии, но и философии вообще, предлагая заменить её либо культурологией, либо теологией. Необходимость разработки философской проблематики тоже ставится под сомнение.

В этой ситуации исключительно важную роль в отстаивании философии, в утверждении необходимости её творческой разработки сыграли Институт философии во главе с В.С. Стёпиным и «Вопросы философии», которые возглавлял я.

Институт не просто сохранил свои позиции, но существенно их укрепил, расширив связи с учёными и деятелями культуры, с зарубежными философами. «Вопросы философии» остались одним из самых любимых журналов не только у философов, но и среди творческой интеллигенции.

Попытаюсь подвести некоторый итог моим размышлениям.

Поколение «шестидесятников» определило развитие нашей философии не только в 60-е гг. прошлого столетия, но и в последующее время, даже в XXI веке.

Об обвинениях в адрес этого поколения. Наши писатели и поэты «шестидесятники» иной раз упрекаются в том, что они творили «в рамках дозволенного» и пытались найти общий язык с тогдашним политическим руководством страны. Что же касается философов «шестидесятников», то некоторые современные авторы приписывают им политический конформизм и стремление не к решению философских проблем, а к поиску «аутентичного марксизма». Подобного рода рассуждения не имеют абсолютно ничего общего с действительностью, как это видно из того, о чём я рассказал. На самом деле эти люди были устремлены к настоящей философии и ради этого были готовы на жертвы (и их было немало), они остро критически относились к окружавшей их социальной действительности, не терпели идеологического вмешательства в науку и философию. И не просто пытались заниматься настоящей философией, а достигли в этом немалых результатов, сохраняющих значение сегодня. Они исходили из гуманистически понимаемого марксизма (по крайней мере большинство из них и по крайней мере до начала 70-х гг. прошлого века), но так понятый марксизм не имел ничего общего с официальным марксизмом-ленинизмом тогдашних партийных идеологов.

В этой связи скажу ещё раз вернусь к вопросу об отношении шестидесятников к идеологии. Дело в том, что в советские годы занятия идеологией относилась к прерогативе специ-

альных партийных инстанций. Соответствующий отдел имелся в аппарате ЦК КПСС. Философы и учёные – обществоведы не имели права разрабатывать эти вопросы, тем более критически обсуждать те или иные идеологические установки. Но идеология на самом деле серьёзно не разрабатывалась и теми людьми, которые, казалось бы, должны были этим специально заниматься. Время от времени сверху спускалось то или иное идеологическое положение, вроде того, что «поколение современных советских людей будет жить при коммунизме» или же что «наша страна вступила в стадию развитого социализма». Эти положения не обосновывались (их и нельзя было обосновать, так как они не были результатом серьёзного анализа действительности, а диктовались той или иной политической целью), при этом их нельзя было обсуждать, тем более критиковать, ими надлежало руководствоваться. Учёные-обществоведы имели право лишь интерпретировать эти утверждения, разъяснять их и исходить из них. Идеология в условиях советской жизни выступала, таким образом, как система верований, исключая критическую рефлексию, как нечто принимаемое без рассуждений. Понятно, что для шестидесятников, стремившихся заниматься настоящей философией, идеология выступала как антипод их деятельности. Поэтому для них «идеолог» было бранным словом, а идеология трактовалась как «ложное сознание» – в духе Маркса.

В действительности идеология – это не «ложное сознание» и не система верований, оправдывающих авторитарную власть. Это и не просто картина существующего, а проект, программа социально-политической деятельности, дающая возможность оценки имеющегося положения дел и ориентир для дальнейших действий. Как любая программа, исходящая из системы определённых ценностей, она принимается на основании желательности и возможности её осуществления. Последнее предполагает знание о социальной реальности. Поэтому серьёзная идеология должна опираться на результаты социальных наук: политэкономии, социологии, политологии и др. Но, будучи не просто знанием о том, что ныне существует, а проектом будущего, серьёзная идеология вместе с тем должна исходить из той или иной концепции человека и его ценностей. А последнее значит, что идеология должна быть философски обоснована. Исторически так и было. Идеология либерализма, например, философски обосновывалась такими людьми, как Д. Локк, Д.-С. Милль, Д. Дьюи, К. Поппер, Дж. Роллз. Идеология социализма философски осмысливалась не только Марксом, Энгельсом и Лениным, но и представителями Франкфуртской школы, Ж.-П. Сартром, М. Мерло-Понти, Л. Альтюссером, С. Жижекком.

Таким образом, не будучи идеологией и тем более не являясь её служанкой, философия всегда играла и продолжает играть важнейшую роль в обосновании идеологии. Разработка последней – серьёзное дело, предполагающее опору на науку и философию. Идеология при таком её понимании – не способ «навешивания лапши на уши», а необходимый ориентир социально-политической жизни, при этом предполагающий критическую рефлексию и ревизию тех или иных основоположений в свете новой реальности. Не следует путать идеологию и политическую пропаганду или политехнологию. Последняя – не что иное, как средство внушения неких идеологических установок. Пропаганда используется в политической жизни, возможно, без неё нельзя обойтись, но она нередко в самом деле служит средством оболванивания.

Негативное отношение философских шестидесятников к идеологии было обусловлено той формой идеологии, которая практиковалась в нашей стране на протяжении многих лет. Нужно заметить, что когда в 70-е и 80-е гг. прошлого столетия шестидесятники отошли от наивного сциентизма и повернулись в сторону антропологической тематики, они фактически соприкоснулись с идеологическими сюжетами. Это и работы Ильенкова о проблеме отчуждения при капитализме и социализме, и его проекты школы будущего, и статьи Батищева о духе социального критицизма, и рассуждения Мамардашвили о «реальном социализме»

в его выступлениях в 90-е гг. Один из главных лидеров философского шестидесятничества А.А. Зиновьев выпустил за два года до смерти книгу «Идеология партии будущего», в которой предложил свой набросок новой идеологии.